

Густавъ и Ѳедоръ.

Съ начала февралѣ австрійцы значительными силами начали наступленіе изъ Буковины въ Галичину. Числа двѣнадцатаго бои происходили уже подъ Галичемъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Львова. Въ городѣ было спокойно и увѣренно, но прихлынула новая волна бѣженцевъ-русинъ изъ окрестностей Черновцовъ, Коломыи, Станиславова и другихъ мѣстъ Буковины и Галичины. Гонимые ужасомъ, они разбѣгались отъ своихъ же войскъ и искали убѣжища въ Львовѣ и окрестностяхъ.

18 февраля я выѣхалъ по направленію къ Галичу.

— Поѣздъ на Галичъ выходитъ изъ Львова раннимъ утромъ. Лучше ждать часъ, чѣмъ опоздать на одну минуту,—остроумно говорятъ путешественники. Тѣмъ болѣе, что по военнымъ обстоятельствамъ трудно надѣяться на сроки. Потому выѣхалъ я изъ гостиницы очень рано.

— Львовъ еще спалъ. Бушевалъ снѣжный буранъ, и съ трудомъ пробивался утренній разсвѣтъ. Завалены снѣгомъ улицы, дома, памятники, сады. Можетъ быть, вотъ такъ засыплетъ снѣгъ весь городъ, всю страну, всю Землю, будетъ бѣло, пустынно, тихо?.. Эта мечта казалась мнѣ въ тѣ минуты успокоительной и приятной.

Тяжело и неудобно бываетъ въ холодный предразсвѣтный часъ на пустынныхъ улицахъ завоеваннаго города, около котораго горитъ война...

Трюхала тощая бѣлая лошадка, неподвижно сидѣлъ кучеръ—русинъ. Его занесло снѣгомъ. Только одинъ человѣкъ встрѣтился на улицахъ. Онъ стоялъ на углу тротуара, около занесенныхъ снѣгомъ корзины и сака. Увидѣлъ насъ, замахалъ рукой:

— Нельзя ли съ вами до вокзала доѣхать? Нѣтъ извозчиковъ!..

Говорю:—Я ничего не имѣю противъ, если извозчикъ возьметъ.

Но извозчикъ точно застылъ, только лошадь хлестнула по заду, отряхая съ хвоста снѣгъ.

— Извозчикъ, спишь?! Можетъ, довезешь человѣка? Отѣхавъ немного, извозчикъ обернулся.

— Можно бы взять копѣекъ за пятьдесятъ... коли-бъ то русскій, альбо католикъ. А онъ—габрій.

— Кто такой?

— Габрій, пане, по хорошему сказать—жидъ.

— Ну такъ что же?

— Не терплю я жидовъ. Нехай себѣ стоитъ.

Подъ высокими сводами Львовскаго вокзала этапный поѣздъ—точно игрушечная лавка: теплушки, вагоны, площадки; на площадкахъ автомобили, повозки, пулеметы, кубики сѣна; въ теплушкахъ кони, солдаты; въ вагонахъ офицеры и сбродъ мѣстнаго населенія. Составляли поѣздъ долго, и неизвѣстно было въ точности, когда отойдетъ.

Выѣхали въ полдень. Было солнечно, было пасмурно. Снѣжные поля, старина полуразрушенныхъ замковъ, тишина испуганныхъ войной сель и деревень.

Въ Галичъ приѣхали синимъ морознымъ вечеромъ. Погрохатывали вдали пушечные выстрѣлы, стихалъ дневной бой. На вокзалъ прибывали раненные.

Уже бѣглому взгляду изъ окна вагона на окраины Галича было ясно, что городъ переполненъ людьми. Большая часть вокзала занята передовымъ перевязочнымъ пунктомъ, въ остальныхъ комнатахъ толпились желѣзнодорожные служащіе, офицеры, солдаты,—протолкнуться трудно, негдѣ положить вещи.

Въ перевязочной работали измученныя сестры, завѣдующій пунктомъ молодой Х. На табуретѣ сидѣлъ солдатъ съ прострѣленнымъ вискомъ. На носилкахъ лежалъ раненый—пробита нога, его перевязывали. Было радостно ему отъ бѣлоснѣжной повязки, отъ опьяняющаго запаха іодоформа, отъ нѣжныхъ рукъ молодыхъ женщинъ, находившихъ въ себѣ силы не только перевязывать, но и утѣшать:

— Ничего, скоро заживетъ.

— Третій день почти не спимъ,—тихо сказалъ Х., садясь со мной на диванъ.—Теперь полегче, бой стихаетъ и удаляется отсюда.

Тутъ же встрѣтился съ начальникомъ девятаго передового транспорта Краснаго Креста, Б.

— Милости просимъ къ намъ! Мы расположились отсюда верстахъ въ двѣнадцать, въ Комаровѣ, въ зданіи винокуреннаго завода. Теперь санитары натопили, вѣроятно, тепло... Рояль у насъ въ комнатѣ есть.

Сидимъ въ телѣжкѣ, минутъ пять ждемъ доктора того же транспорта,—артистъ Музыкальной Драмы М. Онъ прибѣжалъ съ двумя пачками печенья.

— Послѣднія выпросилъ у сестеръ. Ну ничего, онѣ скоро получатъ изъ Львова.

На улицахъ Галича темно. Ъдемъ—мелькають освѣщенные окна домовъ, люди, лошади, повозки, горяція кухни. Говоръ, ржанье, свистъ. На высококомъ холмѣ темныя очертанія замка князя Данила Галицкаго. На окраинѣ тише. Выѣхали въ поле. Пятнисты изрытыя вчерашними окопами поля. Встрѣчаются медленные повозки съ ранеными. Мои спутники кричатъ въ темноту:

— Всѣхъ захватили?!

— Всѣ-э-хъ! — слышится глухой, точно изъ-подъ земли, отвѣтъ.

Хлюпая въ жидкой грязи копытами, лошади изрѣдка высѣкають изъ камней подковами искры. На мгновение ярко освѣтятся ноги сѣраго коня, потныя ляшки съ сѣтью жилокъ, разсыпчатый хвостъ. Послѣ этого въ глазахъ темнѣли земля и небо. Наконецъ, спутники радостно воскликнули:

— Вотъ и пріѣхали!

Во мракѣ проступилъ длинный рядъ освѣщенныхъ матовыхъ четырехъугольниковъ. Это—окна конюшни. На дворѣ стояли повозки транспорта. Въ радужныхъ кругахъ свѣтили въ конюшнѣ фонари, парились ряды согрѣвающихся лошадей. Пахло ароматами сѣна, сбруи и холодной шерсти. Восемьдесятъ жующихъ сѣнотреть производили шумъ, подобный шуму водяной мельницы. На потолкѣ осѣли свѣтлыя капли испарины и поблескивали цвѣтными огоньками. Посрединѣ шестьдесятъ санитаровъ, сидѣли кучками, хлебали щи. Сегодня рѣзали кабана.

Не хотѣлось отсюда уходить. Лечь бы тутъ въ пахучемъ теплѣ и заснуть подъ мирное журчанье жующихъ треть. Мысль моя не кажется спутникамъ странной.

— Отлично бы и здѣсь. Впрочемъ, навѣрное, и у насъ хорошо!..

Въ верхнемъ этажѣ, въ квартирѣ управляющаго заводомъ занято для насъ двѣ комнаты. Самъ управляющій, худой и нервный, приходилъ, угодливо смѣялся и жестикулировалъ, какъ паяцъ на ниточкѣ. А изъ темноты третьей комнаты испуганно слѣдили за нами большіе дѣтскіе глаза. Завоеватели пришли, и могутъ сдѣлать все, что хотятъ...

Не этотъ ли бездонный испугъ мирныхъ и беззащитныхъ толкаетъ грубыхъ солдатъ на преступления?

М. игралъ на рояли гимны разныхъ народовъ. Санитаръ принесъ кабаньихъ щей.

Вотъ именно въ двухъ верстахъ отсюда, около деревни В. происходили наканунѣ упорные галицкіе бои. Длились они недѣлю. Наконецъ, когда уже казалось, что держаться долѣе невозможно, австрійцы отступили.

Усадьба Загржевскаго нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Утромъ, проѣзжая мимо замка, я вижу, какъ его стѣны и крыша пробиты снарядами, пощипаны пулями. Обломаны плодовые деревья, затоптаны кусты, сломаны изгороди. На скрипъ колесъ вышла встрепаная женщина, бросила камнемъ въ одичавшую, съ кровяной мордой собаку и опять скрылась.

Отъ усадьбы дорога на Сельце.

Дорога обсажена деревьями. Влѣво пятнистое, въ бѣлыхъ снѣгахъ и синихъ лѣсахъ, ущелье къ Галичу; кругомъ холмы, перелѣски, села. На дорогѣ за каждымъ деревомъ вырыта ямка-окопъ. Видно, что взоры всѣхъ были день и ночь устремлены на это ущелье. Тысячи людей смотрѣли туда, припадая въ ямкахъ,

за деревьями, кустами. Ямки эти, какъ тѣни деревьевъ, легли поперекъ дороги. Наполовину ихъ засыпало поземкомъ. Но онѣ все еще тревожны.

Разбросаны патронныя сумки, ранцы изъ рыжей телячьей шкуры, шинели, фуфайки, башмаки, картузы, ложки, пачки патроновъ. Лошади мнутъ ногами патроны, разсыпая порохъ. Валяются штыки, винтовки, чулки, жилетки...

Вырубленъ тесаками молодой лѣсокъ. Пощипаны пулями деревья, обломаны вѣтви, прострѣлены толстые стволы. Точно какой-то странный плодъ виситъ на голыхъ вѣтвяхъ австрійская фляжка. Тихо и пушисто въ лѣсу послѣ вчерашняго снѣга, но я нѣсколько разъ ловлю себя на томъ, что мнѣ слышится топотъ бѣгущихъ ногъ, выкрики, стоны; кто-то явственно плюется и бормочетъ непонятныя слова.

Стали попадаться австрійскіе трупы. Впервые увидѣлъ я группу изъ трехъ: два лежатъ рядомъ, чернобородые и строгіе мадьяры, третій упалъ головой къ нимъ на колѣни, лицомъ кверху. Послѣдній—молодой, вихрастый, тощій, голова безъ картуза. Похожъ на подмастерье-сапожника. Подъ шинелью на немъ куртка суслинаго мѣха, лицо по впадинамъ рта, глазъ и подбородка перекрыто снѣгомъ. Подъ полой на груди лежало письмо, написанное по-нѣмецки. Я взялъ его. Малограмотная женская рука, нѣкоторыя слова трудно понять. Вотъ что, наконецъ, прочиталъ я послѣ нѣкоторыхъ усилий. Позвольте привести здѣсь цѣликомъ его содержаніе. Право же, около трупа очень хочется знать, какими интересами жилъ человѣкъ.

«30/І 1915. Дорогой Густавъ! Ты мнѣ всегда пишешь, что не получаешь отъ меня письма. Я тебя еще

разъ спрашиваю, для чего ты взялъ задатокъ на бураки? Никогда въ жизни я еще не страдала такъ, что ты взялъ. Адресъ Юзефа Врана пѣхотный 54 полкъ, вторая запасная рота, третій взводъ, Ольмюцъ, госпитальныя казармы.

«Дорогой Густавъ, напиши мнѣ, сколько ты взялъ денегъ займы отъ Аксмана? Ибо Аксманъ говоритъ, что ты взялъ 18 гульденовъ, а ты мнѣ однажды сказалъ, что 15. Если бы ты могъ видѣть, какія умныя твои дѣти. Особенно маленькая Луиза. Она сказала мнѣ, когда я тебѣ писала, чтобы тебѣ кланяться, и Густавъ тоже.

«Мы зарѣзали черную свинью, она оказалась супоросой. Десять поросятъ было бы, если бы была живая. Очень кланяются семьи Гофмана и Вагнера. У Циммермановъ не продаютъ ужь молока. Я продала телку за 137 гульденовъ. Меринъ уже сдохъ. Кобылу Лери мы должны тоже отдать. Получаемъ 425 гульденовъ. Сердечные привѣты и веселаго скораго свиданья, желаемъ всего лучшаго всѣ мы. Твоя Луиза».

Я опять осмотрѣлъ Густава подробно. Заскорузлы руки, потерты на колѣняхъ штаны, башмаки изъ грубой кожи потрескались, какъ земля въ бездожде. Чертъ возьми, Густавъ, твои посмертныя видѣнья! Черная супоросая свинья, меринъ, телка, задатокъ на бураки, восемнадцать гульденовъ занялъ у Аксмана... Ужь, конечно, восемнадцать! Это ты слукавилъ передъ Луизой на три гульдена, бѣдный Густавъ... И на бураки задатокъ ты взялъ передъ войной и увезъ его съ собой. Я бы не винилъ тебя, но вотъ Луиза сердится...

Отъ этого письма меня охватило холодное спокойствіе. Когда я шелъ къ телѣжкѣ, въ лѣсу было тихо. Я не слышалъ порожденныхъ воображеніемъ шороховъ и стоновъ недавняго боя. Лежали трупы, и мнѣ не было жалко Густава.

По лѣсу ходятъ люди, собираютъ трупы, везутъ ихъ на ручныхъ санкахъ въ кучи, роютъ могилы. Разбѣжался народъ, нѣтъ мужиковъ, и поле битвы убирается медленно. На голой взлобинѣ цѣлая куча труповъ. Могила роется большая. Мужики работаютъ сосредоточенно и молча. Рядомъ — нѣсколько снарядныхъ телѣжекъ. Солдаты сидятъ кучкой у костра. Горитъ какое-то ароматное дерево, и запахъ его подобенъ ладану.

Въ мглыстыя дали тянутся корявыя линіи окоповъ. Въ концѣ длинной канавы складывается другая куча труповъ. Мальчишка выбралъ себѣ лучшую солдатскую сумку, надѣлъ черезъ плечо и дѣловито ходитъ вдоль окопа, смотреть, гдѣ еще остались трупы.

Вѣроятно, были здѣсь и трупы русскихъ. На полѣ побѣды ихъ, во всякомъ случаѣ, было мало и они выбраны вчера, или можетъ быть, подняты сразу товарищами. На смятомъ мѣстѣ въ снѣгу я нашелъ и русское письмо къ солдату. Вотъ оно какое:

„1915 года мѣсяца января 29 дня. Письмо отъ родного вашего дяденьки Θεодосія Фоковича и отъ тетеньки Акулины Петровны до своего дорогова и роднова племянничка Федора Петровича. Извѣщаю я тебя, мой любезный и незабвенный Федоръ Петровичъ, что я получилъ отъ тебѣ письмо 29 января и твоя жена тоже того же числа получила письмо и, принесла ко мнѣ читать, то я мой дорогой племянничекъ Федоръ Петровичъ, былъ такъ радъ, что ни могъ изъ людьми говорить, сталъ ево читать при людяхъ и усѣхъ прослезилъ за ваши похож-

денія. И спаси Христось тебя, мой племянничекъ, что ты на этомъ свѣтѣ насъ ни забываешь. И посылаю тебѣ нашъ дорогой Федоръ Петровичъ низажущее почтене и низкій поклонъ и желаю тебѣ отъ Господа Бога усега хорошаго. Дай Богъ вамъ гиройскую минуто, чтобы побѣдить врага ненавистнаго, жаднаго Антихриста. А ты нашъ дорогой Федоръ Петровичъ у какихъ мистахъ ни будешь, забывай Царя Небеснаго, Онъ тебѣ не оставитъ“...

Дальше идутъ поклоны, однообразная музыка которыхъ такъ много расскажетъ о родныхъ и домѣ солдатскому сердцу... Я не вижу лица Феодора Петровича, ни живого, ни мертваго, но я отлично вижу, какъ его дядя, Феодосій Фоковичъ, читаетъ письмо при людяхъ и какъ потомъ дома въ тотъ же вечеръ онъ шипеть своему дорогому племяннику письмо. Онъ двигаетъ бровями, жуетъ усы, дуется на непослушное перо. А тетенька, Акулина Петровна, сидитъ тутъ же на лавкѣ, одна рука подъ грудями, другая подпираетъ щеку. И старая бабка, мать Феодосія Фоковича, лежитъ на печи. Хотѣлъ Феодосій Фоковичъ и о хозяйствѣ написать, а бабка съ печи гудитъ глухимъ басомъ:

— Не тревожь ты парня, до того ли ему тамъ!..

И Феодосій Фоковичъ радостно согласился:

— Правда, мать. Шутъ съ нимъ и съ хозяйствомъ. Вернулся ба живой...

Никто не видѣлъ, какъ неудержимо и горячими струями текли мои слезы, когда я читалъ письмо Феодосія Фоковича. Тогда мнѣ стало жалко и Густава..

Опять повалилъ хлопьями снѣгъ. Точно тѣни двигались во мглѣ къ Сельцу солдаты. При въѣздѣ въ село на высококомъ деревянномъ крестѣ статуя распятаго Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Старинный польскій обычай.